

Дружба на вырост

Николай Шульгин

Сто лопат

Рассказы маленького татарина

Перед жизнью и крыльцом

Я маленький мальчик. Татарин.

Я не знаю, что такое татарин. Папа мне сказал:

— Наиль, запомни, ты татарин... Мы все татары... Я татарин, твоя мама татарин, твоя брат и сестра татарин, и даже тетя Роза, которая приходит в воскресенье за селедкой, тоже татарин... а особенно татарин твой дедушка Малик...

Дедушку я не любил. Не то чтобы не любил. Я его боялся...

Дедушка был маленький, как его имя, и у него был только один глаз. Еще у него были лошадь и повозка. По воскресеньям он ездил по городу и кричал: «Шара-бара!!! Шара-бара!!!»

Это значило, что он собирает старые вещи. Дети крали из дома любые вещи родителей, какие попадались под руку, и тащили к нему в повозку. Дедушка внимательно смотрел на них строгим глазом и в зависимости от того, что решал глаз, выдавал детям из деревянного ящичка, на котором сидел, сладкую тянучку или шарик на резинке.

Если вещь была очень хорошая или новая, дедушка давал и тянучку, и шарик.

Где он брал эти тянучки и шарики?! Никто не знал. В магазинах их не продавали.

Друзья мне завидовали.

— Ты, наверное, гад, каждый день тянучки ешь? — говорили они.

— Нет, — отвечал я правду. — Дедушка дает мне только подзатыльники.

Мне не верили и завидовали. Почему-то это было приятно.

Дедушка приходил к нам один раз в неделю по субботам и первым делом давал мне и брату по подзатыльнику.

— Сын, — спрашивал он у отца, — когда ты в последний раз порол детей?

— Вчера!.. Вчера, после обеда, как раз порол... — быстро отвечала мама. — Два раза. Один раз под виноградом, чтобы не ели зеленый, а другой раз в курятнике, чтобы...

— Врешь, невестка! — не верил дед. — Как можно пороть под виноградом или в курятнике? Там как следует не размахнешься... Бог сказал: «Если детей своих не бьешь, значит, их не любишь!»

— Это он вам сам сказал? — уточняла мама.

Николай Шульгин — сценарист, руководитель молодежного музыкального театра «Миррорс». Родился в Ленинградской области в 1954 году. Автор семи книг рассказов и повестей. Живет в Бишкеке. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Не дерзи, женщина! — отрезал дед. — Я тебе дал хорошего мужа, потому что порол его каждую субботу! И не потому, что он ел зеленый виноград, а потому что так положено!.. Чтобы помнил правила!..

— Какие правила?

— Какие надо!

— Плов остынет, — говорил отец. — Пошли в дом. После обеда выпорем обоих. Поможешь, отец?

— А как же! — отвечал дедушка и молился.

Молиться — это значит закрыть глаза, поднять голову вверх, быстро-быстро пошевелить губами, провести руками по лицу, как будто моешься, и сказать: «Омин».

— Омин! — говорил дедушка. — Обед, татары...

— Омин! — говорили мы и проводили руками по лицу.

Дедушка ел много. Я думаю, чтобы не готовить дома и в животе на больше жизни хватило еды. От этого сразу, когда кончался плов, он засыпал прямо за столом. Мама делала: «Тс-с-с-с!» — и отправляла нас со старшим братом делать уроки.

Дедушка просыпался через пятнадцать минут.

— Сын! — кричал он. — Чем пороть будем — ремнем или хворостиной?

— Ремнем, — отвечал папа. — Только в следующий раз. Мы тебя не дождались... Я посадил их за уроки.

— Ладно, — говорил дедушка. — Уроки еще хуже. Проводи меня.

И уходил...

Просто жизнь

— Наиль, — сказал мне отец, — твой старший брат старше тебя на три года. Не успеешь оглянуться — женился. Поэтому, по совету дедушки, я решил начать строить ему дом возле большой дороги. Я буду строить его две недели вместе с твоей мамой и с твоим старшим братом, у которого всегда рука в штанах, потому что он стремительно превращается в мужчину... Твоя старшая сестра будет варить нам плов. Спать мы будем очень мало и под открытым небом... Спасибо, что мой папа Малик согласился взять тебя на эти две недели к себе...

— Ты говоришь, как дедушка, — заплакал я.

— Правильно, — ответил отец. — Потому что я его сын. Когда ты вырастешь, ты будешь говорить точно так же.

— И у меня будет один глаз, и я буду кричать «шара-бара» по воскресеньям?

— Это если повезет... Запомни, Наиль, — ты татарин... Мы все татары... Я татарин, твоя мама татарин, твой брат и сестра татарин, и даже тетя Роза, которая приходит в воскресенье за селедкой, тоже татарин... А особенно татарин твой дедушка Малик, который согласился за две недели сделать из тебя настоящего татарского мужчину!..

— Я не буду держать руку в штанах. Девчонки в классе будут смеяться...

— Сейчас каникулы. Никаких классов нет. Не говори глупостей. Вопрос решен!..

Утром сестра повела меня к дедушке.

«Интересно, — думал я, — он будет меня пороть ремнем или хворостиной? Или по выбору?.. Если по выбору — что лучше?..»

Меня ни разу в жизни не порол, и я затруднялся с ответом. Вот придем мы, думал я, к деду, и он спросит: «Ну что, маленький татарин, ремнем или хворостиной?» Что ответить?..

«Надо было самому попробовать ударить себя ремнем и хворостиной», — подумал я последнюю мысль, потому что мы уже пришли.

Я ни разу не был у дедушки. Мы с сестрой стояли возле больших деревянных ворот, в них была вырезана маленькая дверка, которая была закрыта. За воротами лаяли собаки. На слух две... Или три...

— Кто? Кто? Кто? — гавкали из-за ворот собаки.

— Я привела Наилу, принесла его вещи и еду на две недели! — прокричала сестра сквозь собак.

— Оставь все на улице и уходи! — слышалось из-за ворот.

— Не уходи, — сказал я.

— Будь женщиной, не плачь, — сказала сестра, положила вещи на землю и ушла.

Я решил последовать совету сестры: засунул руку в штаны, приготовился к самому худшему и стал ждать.

«Все-таки лучше ремнем, — думал я. — Хоть это, наверное, и больней, но зато полосы будут широкие и я смогу сказать, что это от горчичников... Конечно, пацаны на канале спросят: "А чего такие тонкие горчичники?.." Я тогда скажу, что это китайские специальные горчичники, которые привезла тетя Роза в подарок на 1 мая. Все знают, что тетя Роза ездит в Китай и что-то оттуда привозит в мешках...»

Прошло много времени. Я не умею считать время, когда каникулы. Когда учеба, то время считается уроками и переменами, а когда каникулы, то часами. Но часов у меня не было.

— Ну что, долго ждал? — услышал я за спиной. И кто-то повернул меня кругом за плечи. Это был дедушка.

— Долго, — честно ответил я.

— А откуда ты знаешь, что долго?

— Время шло...

— Дурак. Времени нет. Время придумали часовщики, чтобы деньги у дураков собирать. На кой нам черт знать, сколько сейчас времени, если при нынешней власти перерывы в магазинах отменили, а водку продают круглые сутки?

— Не знаю...

— Не знаешь, потому что дурак. Я тебя буду учить, и ты будешь не дурак, а хитрый татарский мальчик.

— Дедушка Малик, а можно ты меня будешь учить не хворостиной, а ремнем?

— Не называй меня «дедушка Малик». Это по-русски. Зови меня по-татарски — бабай. Я тебя буду учить и хворостиной, и ремнем... У вас в школе сколько предметов?

Я «помолился» губами и ответил:

— Пять.

— Значит, надо еще три придумать... кроме ремня и хворостины... — в свою очередь «помолился» дедушка и заглянул в узел, который оставила сестра, не тем глазом. Вместе с «не тем глазом» в мешок залез нос.

— Сыр, мясо, хлеб, картошка, макароны, крупа и масло. Мало. На нас двоих на две недели не хватит. Ты много ешь?

— Сколько мама дает.

— Это хорошо. А черешню любишь?

— Очень.

— Это еще лучше. А селедку?

— Не очень.

— Это плохо.

Дед повел меня куда-то вдоль забора и привел к неприметной доске, которую отодвинул и ловко пролез через дырку. Я пролез еще ловчее. Пока дед прилаживал и маскировал доску, я спросил:

— Дед, а зачем мы ходим не через ворота?

— Когда на нас нападут киргизы, узбеки или русские, — они полезут через ворота, и тогда мы нападём на них сзади.

— А если ворота вообще убрать?

— Дурак! А как мы будем выводить быков? И вообще... Если ворот не будет, они найдут доску.

— Кто найдет, дед, быки?..

— Не зови меня «дед», зови «бабай»! Еще раз повторять не буду!

Дедушка справился с доской и сказал трем большим и маленьким собакам, которые ждали приказа, в какой момент им начинать меня есть:

— Это мой внук Наиль. Он такой же татарин, как и все мы, но маленький. Поэтому его можно пускать всюду, кроме лошади, и принимать из его рук пищу, если ему удастся ее здесь найти. Питаться самим Наилем нельзя. Точка.

— Есть... — разочарованно, но вместе с тем учтиво, гавкнули собаки и пошли охранять лошадь.

— Бабай, — спросил я по-татарски, — а почему нельзя подходить к лошади?

— Она может подумать, что твои зеленые руки — это трава, и откусит их.

— Это просто цыпки... Мама зеленкой намазала.

— Напрасно деньги тратила на аптеку. Надо было выпороть, и все бы прошло само.

У дедушки был большой дом и большой двор с разными строениями. Оттого что строений, больших и маленьких, было много и между ними росли деревья, закрывая небо и окрестности, определить размеры дедовых владений с первого взгляда я не смог.

Дед громыхнул ключами, которые он носил на шее на кожаном ремешке, и открыл дверь большого дома. Мы сразу оказались в кухне.

— Смотри, Наиль, это холодильник, — сказал дедушка. — Он младше меня всего на один год, но выглядит значительно моложе. Спроси меня, почему?

— Почему? — спросил я.

— Потому что я за ним ухаживаю лучше, чем твоя мама за мной.

— «ЗИЛ», — прочитал я на двери холодильника, и чтобы поддержать разговор, спросил: — А что такое «ЗИЛ», бабай?

— Это оно так называется.

— А что означает «ЗИЛ»?

— Я думаю, что оно означает какое-то русское слово. У русских много ненужных слов. Их необязательно запоминать.

— А на нашем холодильнике написано «Бош».

— Вот видишь. Какой уважаемый татарин придумает такое дурацкое слово «Бош»?..

Дед осторожно открыл «ЗИЛ» и стал аккуратно перекладывать продукты из мешка, который прислали вместе со мной, в холодильную камеру.

— Смотри, — сказал он, когда закончил, — какой хороший холодильник. В нем еще осталось много места... В следующий раз скажи маме...

— Хорошо, бабай, — сказал я.

К холодильнику подошел старый, одноглазый, как дедушка, кот и тоскливо заглянул внутрь.

— Кот, — сказал я.

— Да, — сказал дедушка.

— Как его звать?

— Кот и звать...

— А имя...

— Зачем ему имя — он не холодильник... Если хочешь, зови его «ЗИЛ».

— А как ты его зовешь, бабай?

— Кс-кс-кс... — ответил дед.

Кот удивился и оживился одновременно. В его единственном глазу мелькнула надежда и он сделал робкий шаг к продуктам.

— Кот хочет есть, — сказал я.

— Да, — сказал дедушка.

— Бабай, а чем ты кормишь кота?

— Дверью, — ответил дед и закрыл холодильник.

— Это как?

— Когда он хочет есть, я открываю дверь, и он идет искать пищу. На улице полно всякой пищи для котов.

Дед открыл дверь на улицу и вытолкнул кота.

— А какая на улице пища для котов?

— Мыши, птицы... Воробьи... Много всякого...

— А дома ты его не кормишь?

— Зачем, если с улицы он приходит сытый?..

— Бабай, а почему у него, как у тебя, один глаз?

— Какой-то сволочь, наверное, стрельнул в него из ружья... Пойдем, я покажу тебе дом.

Дед водил меня по дому и говорил, открывая дверь за дверью:

— Вот комната... Вот комната... Вот комната... Вот комната... Вот комната...

Все комнаты были совершенно пустые.

— А вот комната с диваном. Я вот так ложусь и сплю.

Дед лег и закрыл глаза.

— Наиль, позови кота. Пусть у меня на животе полежит.

Я немножко поплутал по дому, нашел выход и крикнул на улицу:

— ЗИЛ! ЗИЛ! Тебя бабай зовет!

Откуда-то выскочил кот и шмыгнул мимо меня в дом. Когда я нашел комнату с диваном, все уже спали. Дед снизу, а кот сверху.

Я вышел из дому и сел на крыльцо скучать. Возле меня сели собаки и тоже стали скучать. Из самого большого сарая высунулась большая лошадиная голова. Она оглядела двор, увидела, что деда во дворе нет, и тоже скрылась скучать, как и мы, только в сарае.

Без деда жизнь в его мире замирала. Никто ничего не делал.

Я сходил к сараю, откуда снова высунулась лошадиная голова, и потрогал ее шершавые губы.

«Как может быть такая большая голова?» — подумал я и пошел скучать к собакам. Собаки спали на крыльце, куда падала тень от большого ореха. Я выбрал собаку покрупнее и почище, положил на нее голову, подумал, что мне совершенно не хочется спать, и тут же заснул.

— Вставай, Наиль, — сразу же сказал дед. — Ты можешь проспаться жизнь.

— Я только лег...

— Это тебе так кажется. Ты спишь уже пятнадцать минут... Сейчас мы будем кормить скотину.

— Дверью?

— Нет... Скотина — это не кот...

— ЗИЛ, — поправил я.

— Ну, ЗИЛ, — согласился дедушка.

Мы кормили лошадь овсом, а собак и цыплят — вареным овсом.

— Наиль, — спросил дед, — ты до сколько умеешь считать?

— До миллиона.

— Хорошо. Сосчитай цыплят.

— Двадцать девять, — сказал я.

— Хорошо. Цыплята — это хороший бизнес.

— Бабай, а что такое бизнес?

— Не знаю, — сказал дед. — Пойдем ужинать. Солнце садится.

Дед повел меня почему-то не домой к холодильнику, а вдоль длинного забора к воротам. Возле ворот, закрывая их больше чем наполовину и не давая открываться, лежала огромная спеленная черешня с кучей полуспелых ягод.

— Наиль, — сказал дед, — мне для тебя ничего не жалко — ешь до отвала!

— Мама запрещает мне есть недоспелую вишню. Она говорит, что может быть понос.

— Твоя мать русская и ничего не понимает в татарской черешне. От татарской черешни не может быть русского поноса.

Дед выбрал ягоду покрасней и съел.

— Если хочешь, можешь, конечно, идти спать сразу... Без ужина... — сказал он... Мы ели черешню очень долго. Черешня, даже зеленая, вкуснее всяких сыров и лепешек.

«Пусть дед порет, — думал я, — зато дает черешни столько, сколько хочешь... Это уравнивает», — вспомнил я какое-то школьное слово.

Наевшись черешни до отвала, мы сели на крыльцо поикать. ЗИЛ и собаки легли в ногах.

Крыльцо

— Бабай, — икнул я, — зачем ты спилил недоспевшую черешню?

— Потому что она была на роге у яка, которого я вырастил для бизнеса. Только не спрашивай у меня, что такое бизнес, — икнул в ответ дед.

— А почему на роге у яка черешня?

— Потому что, когда узбеки выводят яка из двора на убой, они надевают ему на голову мешок и к каждой ноге привязывают цепь. Четыре узбека на цепях, а один тянет за веревку. Я в это время прячу собак, чтобы они не напугали яка. Позавчера одна собака спряталась и гавкнула в неподходящий момент. Як от страха мотнул головой и вырвал эту черешню с корнем. Вытащить рог из черешни мы не смогли, поэтому спилили черешню, и як ушел на бойню с полдеревом, — длинно икнул дед.

— Они принесли потом тебе полчерешни назад?

— Зачем?

— Дрова же...

— Молодец, — разочарованно икнул дед. — А я как-то не подумал...

Вырванная яком черешня освободила кусочек звездного неба, и мы смотрели на мерцающие звезды. Звезды переменили настроение деда.

— Помолимся, — сказал он.

Мы пошевелили губами, сказали: «Омин», — и умылись сухими ладошками.

— Бабай, как ты думаешь, где Бог?

— На небе, конечно, балда.

— А как он слышит, если мы молимся так тихо?

— Этого я не знаю.

— Я смерти боюсь...

— Зачем? После смерти мы пойдем в рай.

— А что такое рай?

— Бог сказал — сюрприз.

— Даже не намекнул?

— Зачем?... Я, правда, слышал, что все получают там всё, что хотят... Я вот старый, наверное, скоро умру... И получу...

— А что бы ты хотел получить в раю, бабай?..

— Второй глаз... Чтобы шоферские права вернули...

Я посмотрел на кусочек видного неба и попытался представить Бога. Бог был похож на деда. У него был тоже один глаз, только посередине лба, и он удил людей на удочку...

— Ай-ай-ай! — сказал дед. — Наиль, ты спишь, а я уже помолился и забыл тебя выпороть. Склероз. Завтра два раза должен буду. Ты напомни мне.

— Хорошо...

Просто жизнь

Писать стало хотеться сильнее, чем спать. Я пробирался по стенам, сто раз ошибаясь дверями, и пописал в угол какой-то комнаты. «Жарко, — решил я, — все высохнет, и дед одним глазом не заметит. А если заметит, подумает на кота. Не подумает же он на меня...»

— Пук! — послышалось с улицы. Как выстрел. Я был умный татарский мальчик и понял, что на нас нападают киргизы, узбеки или русские.

Надо разбудить дедушку, подумал я, и воспользоваться той доской, о которой пока еще никто не знает.

От страха я нашел комнату дедушки мгновенно. Телевизор передавал голых теток. Они меня не интересовали. Я выбежал во двор. Мне было страшно. Мне казалось — покажись сейчас бабай, и все пройдет...

— Стоять! — услышал я голос бабая. — Тихо!

Мои глаза пригладелись, и я увидел, что дед лежит на земле и метит в кого-то ружьем.

— Наиль, ползи тихо! — услышал я.

Я тихо подполз к лежащему дедушке, который единственным глазом целился из ружья куда-то в темноту.

— Видишь кота? — прошептал он.

— Вижу, — прошептал я. — А где они?

— Кто?

— Русские, узбеки и киргизы...

— Спят. Какая тебе разница... пусть сами охраняют своих цыплят.

— Давай прогоним кота!

— Тихо, дурак, он завтра снова придет, его надо застрелить. Правильно?

— Правильно, бабай, а почему ты держишь ружье не в ту сторону, где кот?

— Не учи меня стрелять котов, сопляк!

— Вон кот, на заборе.

— Точно... — сказал дед, развернулся и пульнул. Кот взвизгнул и убежал.

— В жопу попал... Похромает и все пройдет.

— Ну и что?

— Завтра снова придет, сволочь. Иди спать.

— А ты?

— Я не буду. Если я усну, — из ста цыплят у меня не останется ничего.

— Я буду не спать с тобой! — сказал я и приткнулся на кошму.

— Молоде... — услышал я от дедушки все буквы, кроме последней «ц». Так вкусно мне не спалось никогда...

«Это все фигня, — снилось мне, — что у моего старшего брата рука в штанах, зато я воин».

Мне снился дед на коне. Он стрелял куда-то в темноту из ружья и кричал: «Где вы? Выходите? Я вам дам цыплят!.. Их у меня много в ружье!..»

— Вставай! — разбудил меня дед, — у нас беда! Пришел твой друг ЗИЛ. Он где-то лазил, и ему прострелили жопу дробью... есть же сволочи...

— Настоящий татарин должен отомстить, бабай? — смело спросил я.

— Да, но сначала настоящий татарин должен родить сына, посадить черешню, построить дом... и даже сарай... начнем прямо сейчас... Незачем тянуть.

— Бабай, а как родить сына?

— Я потом расскажу...

— Когда?

— Когда писька дорастет до пупа.

Я померил, получалось очень долго...

— Тогда начнем с дерева, — сказал дед. — Тем более что мы потеряли черешню. Иди в сарай и принеси лопату. Там на улице растет ничья черешня. Мы ее выкопаем. Посадим. И она будет «чья».

— Бабай, черешня уже надоела...

— А ты что, видел на улице бесплатный персик?

— Нет...

Я пошел в большой сарай за лопатой. Ключом, который из кучи других безошибочно вытащил мой дед, я открыл дверь и взглянул в темноту.

В сарае стояли рядами (я потом посчитал) сто лопат, сто кирок, сто грабель и еще чего-то по сто, чему я не знал названия. Я взял крайнюю лопату и вышел во двор.

— Бабай, — сказал я. — Над тобой кто-то пошутил и занес потихоньку в сарай всего по сто...

— Нет таких дураков, — сказал дед, — чтобы они отдавали вещи... Это я сам купил...

— Зачем тебе столько лопат?

— Дурак! А если война?..

Я не знал, что такое война, и учтиво промолчал.

— Железные лопаты могут лежать сколько угодно. Это тебе не черешня. Кушать хочешь?

— Нет, — ответил я, вспомнив про черешню. — Хочу копать.

— Люблю трудолюбивых... а нетрудолюбивых не люблю...

— Мама сказала — Бог любит всех...

— Он что, шофер первого класса?

— Кто?

— Бог.

— Не знаю.

— Ну вот. Не знаешь, а открываешь рот для мух. Ты что — тупой?..

Я обиделся и замолчал. Дед тоже замолчал. Мне показалось, что он пожалел, что назвал меня тупым.

— Это хорошо, Наиль, что ты глупый мальчик, — немного погодя, сказал дед.

— Почему?

— Потому что твоя культурная мама не заставит тебя таскаться с позорной скрипкой в музыкальную школу, и ты будешь героическим шофером первого класса, как твой дед.

— Я хотел спросить — почему я глупый?

— Ты хочешь сказать, что ты умнее меня?

— Нет.

— Вот, а я же шофер...

— Как Бог?

— Почти... Но о Боге днем не говори.

— А когда?

— Только вечером на крыльце...

— Хорошо...

Крыльцо

— Бабай!.. Ты спишь?.. — разбудил я деда, который храпел, сидя на крыльце между двумя большими теплыми собаками.

— Конечно, нет... Это я так думаю... Настоящий татарин не может лечь спать, пока он не помолился. Помолится.

Мы закрыли глаза. Пошевелили губами и умылись сухими руками.

— Бабай!

— Да...

— Я вчера во сне Бога видел...

— Откуда ты узнал, что это Бог?

— Он на небе был...

— Может, это космонавт... На нем был скафандр?

— А что такое скафандр?

— Ну, это такое на голове... Непонятное...

— Кажется, было что-то на голове...

— Значит космонавт!

— Космонавт — это Гагарин?

- Что такое — «гагарин»?
- Нам учительница говорила, что космонавт — это Гагарин...
- Запомни, маленький татарин, твоя учительница глупа, как все женщины, слова «гагарин» нет... скажи еще, ЗИЛ... Космонавт — это шофер ракеты.
- Шофер первого класса?
- Нет... я думаю, даже высшего... или даже очень... пошли спать...
- Я думаю, такие шоферы ракет видят Бога...
- Запомни, маленький татарин, — все шоферы видят Бога! Кстати, мы уже молились или тебя пороть?
- Молились, но если ты хочешь, то давай пороть...
- Кого?..
- Из нас двоих, наверное, только меня...
- После молитвы нельзя пороть. После молитвы надо спать.
- А цыплята?..
- Не бойся... Твой меткий бабай убил вчера чужого кота. Отбой...

Жизнь

- Наиль, вставай, уже утро! Пора завтракать. Ты не помнишь, мы вчера ели чего-нибудь или нет?..
- Кажется, «или нет»...
- Тогда мы сейчас поедим... Ты до сколько умеешь считать?
- До миллиона.
- Подойдет. Сходи в сарай и посчитай, сколько там бочек, которые пахнут селедкой.
- В сарае, за лопатами, кирками и всем тем, чего у деда было по сто штук, стояли пять огромных бочек. От них чем-то противно пахло...
- Пять, бабай... А можно, я их не буду нюхать?
- Надо было лучше купить двести лопат... На войне лопаты нужнее, чем гнилая рыба. Как ты думаешь, Наиль, что делать с селедкой? Эту селедку уже не едят ни собаки, ни тетя Роза.
- Выкинуть?..
- Дурак. Ты что, русский, что ли? Вещи выкидывать...
- Русские на канале пьют пиво возле желтой бочки... — сказал я все, что знал про русских.
- Ты превращаешься в настоящего татарина благодаря моему воспитанию. А это я тебя еще не порол... В тебе просыпается ум...
- Почему?
- Потому что пивом торгует хромой Рашид. Я ему продам всю селедку. Он будет продавать ее русским. Им еще сильнее будет хотеться пива от этой противной селедки, и он будет получать от них еще деньги. Понял, почему?
- Понял, — сказал я, хотя меня интересовало не то, как хромой Рашид будет обманывать русских, а почему дед не начинает меня пороть, и значит ли это, что порки «накапливаются», и он когда-нибудь выпорот меня за все дни, или, как в футболе, те пропущенные порки, будут «заиграны» и как бы не будут считаться...
- Весь день мы катали с дедом огромные бочки на канал к Рашиду.
- Когда Рашид открыл бочки, он сказал:
- Татары! Эти бочки надо сбросить с моста, потому что русские, которые приходят пить пиво, не такие сильные желудком, как тетя Роза... Они могут умереть от этой рыбы, и тогда их родственники перестанут со мной разговаривать.
- Мы сбросили бочки с моста. Канал проглотил их и довольно заурчал волной.
- Бабай, — сказал я, — канал понравилась твоя селедка.
- Ему не понравилось, — ответил за деда Рашид, — просто он из вежливости. Этот канал татары копали...

— А учительница говорила, что солдаты...
— Правильно... а татары торговали рядом пивом и пирожками. Поэтому солдаты не умерли с голоду... а то, если бы умерли, кто бы копал, по-твоему?..
— Татары?..
— Наиль! Когда разговаривают старшие, нужно молчать и слушать мудрости! — прервал меня дед.
— Я понимаю, бабай, — сказал Рашид, — сегодня у тебя горе, пропала селедка, которую не ест даже тетя Роза, поэтому я даю тебе бесплатно ведро пива.
— Теперь понял, Наиль, что такое настоящая татарская дружба?
— Да, бабай...
Дома дед спросил:
— Наиль, ты умеешь писать?
— Да, и считать до миллиона...
— Не перебивай... У меня нет ничего по миллиону, чтобы считать. Пиши: «Список друзей, чтобы они выпили пиво». Написал?
— Написал.
— Пиши: «киргизы с Глиняной улицы — Бектур, Марат, Курмангазы, Маркенгелен...»
— Такого имени не бывает, бабай...
— Бывает — это Маркс, Энгельс и Ленин...
— Они придут все трое?..
— Нет.... Один будет пить за всех троих... Не перебивай... Пиши: «узбеки с Кривого переулка... Махмуд, Махамед, Мухаммед и его брат Махмуддин...» Записал?..
— Записал. Это тоже один человек?..
— Не перебивай... Пиши... Русские...
— С какой улицы?
— Со всех... Анатолий, Толик, Толян и его шурин...
— Шурин — это Шурик?..
— Нет. Шурин — это человек без дна... Одного ведра нам не хватит, Наиль...
Как думаешь, Рашид не обменяет остатки черешни на еще одно ведро?
Вечером пришли друзья бабая. Они пили, ели, пели песни и вспоминали, как они были молодыми шоферами и катали девушек в коротких платьях на больших машинах...
Я уснул на собаке, а проснулся на кровати деда. Дед ел сыр.
— Бабай, уже другой день или этот? — спросил я.
— Этот, — ответил дед. — Ты хочешь сыра или приключений?
Мне очень хотелось сыра.
— Приключений... — сказал я.
— Очередным твоим приключением будет отсутствие сыра в твоём брюхе три дня.
«Ошибся», — подумал я.
— Нет, ты не ошибся, — сказал дед. — Потому что ты будешь добывать пищу, как все.
— Бабай, — сказал я, — я не могу добывать пищу. Я маленький.
— Тогда ешь черешень, — сказал дед.
Я пошел есть черешню. Она уже не казалась такой вкусной...
«Фигня осталось, — думал я. — Дерево я уже посадил. Построю быстренько дом и спрошу у деда, как рожать сына. Скажет ведь, наверное. Прямо уж тайна...»

Крыльцо

— Бабай, когда еще раз нападут узбеки, киргизы и русские?
— А когда они напали?
— Сегодня... Я целый час мыл посуду... Война — это плохо.
— Война — это плохо, — повторил дед. — Но лопаты надо куда-то девать...

— Мама говорит, — не надо волноваться: Бог все устроит...
— Ой... — сказал дед. — Бог!.. Мы же еще не молились сегодня.
Мы пошептали, умылись и сказали: «Омин».
— Ты, наверное, думаешь, Наиль, что твой бабай старый дурак и поэтому забыл тебя сегодня выпороть?
— Нет. Меня надо выпороть уже пять раз, и мне страшно думать о том, что когда-нибудь ты меня выпорешь пять раз подряд...
— И правильно... Маленькие должны уважать старших. Так Бог сказал.
— «Он сам вам об этом сказал?» — спросил я словами мамы.
— Сам, — сказал бабай. — Он сегодня с нами пил пиво...
— А почему я его не видел?
— Потому что у тебя еще не выросли глаза.
Я попытался сделать глаза больше. Но уже была ночь, и они сами по себе уменьшались и уменьшались...

Просто жизнь

— Наиль, ты, когда последний раз считал цыплят?
— Никогда... Они куда-то ушли, бабай...
— Улетели в жаркие страны? Мне кажется, — сказал дед, — что они ушли в брюхо к твоему другу ЗИЛу...
— Этого не может быть... Они ему, как братья, — вспомнил я где-то слышанную фразу.
— А почему он тогда не просит есть и не приходит домой? И еще он нассал в доме.
— Бабай, ЗИЛа жалко — ему кто-то застрелил задницу... И потом, раз нет цыплят — останется лишний корм для лошади.
— Молодец, Наиль. Ты становишься настоящим татаринном.
Я вытащил пискунку и стал подтягивать ее к пупу, чтобы померить.
— Нет, — сказал дед, — я в смысле, что научиваешься хитрить... Кто стучал в ворота, пока я чистил лошадь?
— Приходила тетя Роза. Она сказала, что где-то в конце канала узбеки выловили пять бочек с селедкой. Сказала, если ты хочешь, то можно сделать неплохой бизнес. Они просят по барану за бочку...
— Я не знаю, Наиль, что такое бизнес. Но по барану за бочку — это выгодно. Надо подумать...
— Сказала, зайдет завтра. И один баран ей...
— Этот баран будешь ты.
— Почему?!.
— Потому что у нас нет баранов. У нас лошадь... Иди — мой посуду и ведра. Скоро ночь...
— И еще она сказала, что папа просил, чтобы я пожил у тебя до конца лета...
— И что ты решил?
— Я подумаю...
— Я тоже...

Крыльцо

— Бабай, — спросил я, — ты как-то говорил... а почему шоферы могут видеть Бога?
— Все могут видеть Бога. Зачем спрашиваешь?..
— Хочу у него чего-то спросить...
— Спроси у меня. Может, я знаю.
— Я у тебя стесняюсь...
— Ну, как хочешь... Спроси у Самого. Помолимся...

Мы пошептали, «умылись» и сказали: «Омин».

— Сорок восемь, — сказал я.

— Сорок девять... или даже пятьдесят. Меня не обманешь...

Просто жизнь

— Бабай, скоро придет сестра и заберет меня назад.

— Ну и что?

— Тебе тяжело жить одному... Когда я уйду, кто будет мыть для тебя посуду?

— Когда ты уйдешь, будет почти осень... киргизы приведут яков...

— Я видел на улице бабу в галошах... Если у тебя рука иногда бывает в штанах, может, ты возьмешь ее к себе жить? Она будет мыть посуду...

— Честно говоря, только отцу не говори, она мне тоже нравится.

— Тогда я сейчас позову ее?

— Стой! Наиль, ты еще маленький и не понимаешь некоторых вещей...

Мы помолчали.

— Бабай, расскажи мне вещи, которые я не понимаю. Или надо ждать?.. Я мерил вчера... Писька еще не доросла до пупа.

— Это тут ни при чем... Я не могу взять бабу, которая не татарка. И потом, она зубами с пяток мозоли счищает...

Я попробовал дотянуться зубами до своей пятки.

— Дурак, — сказал дедушка. — Вот ты ее совсем не знаешь, а уже пытаешься подражать ее глупости. Вот тебе подзатыльник для воспитания.

— Бабай, а как она до пятки зубами достает? Как это? Гибкая такая, что ли?

— Зачем... Вот, смотри.

Дед вытер руку о штаны, залез себе в рот и достал зубы...

— Ух ты!

— Это еще не «ух ты», — сказал Бабай. — Вот — «ух ты»...

Он скинул с правой ноги резиновый галош и почесал себе зубами пятку.

— Вот это — «ух ты!» Но я так не делаю. Это бабка...

Дед вытер зубы о штаны и вернул на место.

Мы помолчали.

— Жалко, что не татарка, — сказал я.

— Жалко... — сказал дед.

Крыльцо

— Бабай, мне кажется, что крыльцо становится меньше, а жизнь короче...

— Ты вырос за лето, маленький татарин... и чуть-чуть поумнел...

— Завтра я уйду?..

— Завтра ты уйдешь...

— Тогда давай помолимся?

— Старший должен призывать к молитве, а не ты. Давай помолимся.

Мы помолились.

— Скажи, бабай, когда мы «умываем лицо» — это чтобы чисто было. Когда говорим: «Омин» — значит, конец. А зачем губами шевелить?..

— А ты что, просто так шевелишь? Надо не просто шевелить, а тихо просить себе чего-нибудь у Бога.

— Я не знал... Все лето просто так шевелил. Мог бы много выпросить...

— Не бойся, я за тебя просил...

— А что ты просил?..

— Я просил: Бог, дай Наилью то, чего у него нет, и отбери лишнее.

— Хочешь, я скажу тебе, что я хотел попросить у Бога?..

— Нет...

- Почему?
- Ты сначала попроси... Нельзя стоять между человеком и Богом...

Просто жизнь

Утром дед, собаки и откуда-то взявшийся хромой ЗИЛ, которого не было месяц, вышли на крыльцо. Лошадь высунула голову из сарая и задумчиво прослезилась одним глазом. Дед сказал речь:

— Наиль, ты прожил со мной целое лето... Я научил тебя всему, что я знаю. Ты не держишь правую руку в штанах, но ты уже почти стал настоящим татаринном. Иди и живи дальше...

— Бабай, — спросил я, — а чем отличается «настоящий татарин» от «просто настоящего человека»?

— Ничем... Не перебивай... Сегодня ты вернешься домой. Вот в этом мешке еда на две недели. Всё... Иди...

— Бабай, а зачем еда? — спросил я.

— Когда ты пришел ко мне с едой, я не спрашивал тебя, зачем еда, которую принесла твоя сестра. Еда, чтобы есть.

— Тогда я пошел.

— Стой... Ты, это... Не говори отцу, что я тебя ни разу не порол... И что его ни разу не порол... Он думает, что я его порол, только он забыл.

— Хорошо...

Дед подошел к воротам и загремел ключами.

— Бабай, а можно я выйду через доску?

Я безошибочно нашел нужную доску, или она меня нашла. Вылезать было немного сложнее, чем в первый раз влезать.

В нос ударил запах созревшей акации. Она, наверное, тоже выросла и стала настоящей татаркой...

Эпилог

С тех пор прошло много лет. Бабай, как и обещал, умер, и я почти забыл его лицо... Но когда я чувствую запах спелой акации, я вынимаю руку из штанов и прикладываю ее к сердцу, потому что оно колет... Я не знаю, почему...

На лобовом стекле моей машины с внутренней стороны привязана маленькая иконка, которую мне дала мама. Теперь я знаю, почему шоферы всегда видят Бога...

Я смотрю на Бога и шевелю губами фразу, которую так и не сказал деду: «Боженька! Дай, пожалуйста, дедушке и ЗИЛу еще по одному глазу!..»

Стекло машины мутнеет от влаги, и дорога становится не видна. Я включаю щетки, но ничего не меняется...

Автомобильные щетки не могут стереть влагу с моих глаз...